

Светотени в образах уральских краеведов у писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка

На одном из стеллажей краеведческого отдела библиотеки стоят тома в добротных старинных переплетах, несколько утративших первоначальный лоск от многократного пребывания в руках пользователей. Примечателен облик составителя — В. Н. Шишонко, напоминающий импозантный портрет Карла Маркса.

Василий Никифорович — врач, деятель просвещения, земский служащий, статистик — и по сей день больше известен по своему семитомному труду по истории Перми Великой XIII — начала XVIII вв. Его склонность к изучению исторических свидетельств сказалась также в «Описании начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском, Шадринском, Камышловском...»¹ (1878) и «Материалах для описания развития народного образования в Пермской губернии...» (1879) и многих других работах, как опубликованных, так и скрытых в архивах².

Поводом для небольшого сообщения на конференции служит 175-летие со дня рождения Василия Никифоровича и 125-летие с начала выхода первого тома «Пермской летописи»³. В первоначальных родословиях дата рождения называлась другая — на два года позже, место рождения вообще не указывалось. Исследователи В. А. Кустов⁴ и Е. Ю. Апкаримова⁵ вышли на 1831 год рождения, 2 августа месяца и с. Баклан Мглинского уезда Черниговской губернии. Отец его якобы вольноотпущенный крепостной жены графа С. С. Уварова, Министра просвещения России.

Врача по образованию фортуна занесла молодого малоросса в 1863 г. в уральский губернский центр, и на родину он так и не вернулся. На медицинском поприще ему не очень везло. Лекарем был недолго, хотя какие-то гигиенические предметы вел в училище как преподаватель. Последние 13 лет его официальная служба заключалась в кураторстве народных училищ, которые усилиями земств возникали по всей губернии. И отзывы об этой вроде бы не соответствующей его профессиональной подготовке службе до конца жизни были отнюдь не плохие. Однако судьба вывела Шишонко не только на педагогическую стезю. В самые молодые годы он увлекся собирательством письменных исторических раритетов. Разъездная должность и членство в различных об-

шественных объединениях позволяли ему посещать провинциальные архивы для изучения и копирования документов, выявлять через попутчиков, местных старожилов факты существования и местонахождения каких-то рукописей, старинных книг, собирать достоверные или легендарные предания. Ценнейшие, почти никому неизвестные исторические и этнографические акты, грамоты, летописи подбирались, сортировались, укладывались, и вскоре фонд пронумерованных папок с редкостями вырос до внушительных размеров. Бывали и случаи утраты, гибели документов. Должность чиновника позволила ему сначала выпустить в Екатеринбурге два тома по истории и современному состоянию народного образования, а затем просить у земства содействия в печатании объемистой «Пермской летописи».

Относя себя к достаточно подготовленным специалистам, Василий Никифорович позволял себе не только публикацию оригинальных источников, но и их комментариев, включение субъективных примечаний и даже интерпретацию определенных исторических событий. Эта «вольность» провинциального архивариуса привела не столько к справедливым сомнениям и поправкам, в том числе у столичной профессуры, сколько к обвалу яростных нападок со стороны местных псевдоспециалистов.

Отзыв за отзывом в «Пермских губернских ведомостях» буквально изничтожали результаты колоссального, затеянного с самыми благими намерениями предприятия. Каждый считал своим долгом лягнуть составителя за вторжение в историческую древность, за смелость и опрометчивость в суждениях. Свергнуть Шишонко с пермского исторического олимпа, куда он самовольно взобрался, осрамить, заставить кропать для себя, без публичности. Не забудем, что Шишонко был публичный человек, авторитетный просвещенец. С горькой обидой реагировал на эти отзывы красвед, не видя ни своей вины, ни заступничества.

В 1889 г. жизнь 58-летнего директора народных училищ подошла к финишу. На кончину Василия Никифоровича отозвался екатеринбуржец Д. И. Мамин-Сибиряк. В то время он увлекался изучением развигия Уральского края, состоял членом археологического общества, УОИЕ. Для своих занятий он собирал фактографические свидетельства, литературу и приобретал собственные впечатления. Оформляя материалы для очерков о крае, он уезжал

на Северный Урал и по пути заехал в Пермь «навестить старых знакомых и побеседовать с пермским Нестором», о чем мы узнаем из путевых очерков «Старая Пермь»⁶. Непонятно, были ли они ранее знакомы или виделись в первый раз, но, судя по тексту, «Пермская летопись» была известна Мамину доподлинно и высоко им оценена. Кроме того, Шишонко сообщил путешественнику много такого, чего нет в печатных источниках. В этом очерке о личности, характере, жилище собеседника сказано скупое. Тон рассказа вполне положительный. Почти походя встречается эпитет «неблагодарный» по отношению к бестактным критикам сборников археографа.

Благодарное впечатление от встречи, надолго оставленное в памяти Мамина, вскоре довелось ему выразить и по другому, теперь трагическому поводу — в екатеринбургской газете «Деловой корреспондент» публикуется некролог⁷. Это развернутое, содержательное повествование о «редком провинциальном труженике, посвятившем свою жизнь — и опять — «неблагодарному» делу изучения местного края». В основе прощальной речи строчки из путевых очерков о Перми, только что опубликованных в «Вестнике Европы». Речь хоть и сдержанна, но все-таки эмоционально окрашена. В некрологе значительно подробнее оценивается весомый вклад Василия Никифоровича в постановку школьного дела в крае вплоть до иллюстраций цифровыми выкладками. О «Пермской летописи» сказано так: «Если бы каждая губерния имела такую сводную летопись, то составила бы громадная литература, единственная в своем роде, как неисчерпаемый источник для всех работающих на поприще изучения родной страны». Сборники уральских историков как справочные пособия навсегда войдут в состав личной библиотеки писателя в Петербурге. Даже в номинальном слове Мамин не мог не отреагировать на пренебрежительную критику трудов бескорыстного труженика. О личном знакомстве с усопшим упомянуто одной строкой.

Почему так болезненно воспринял Мамин-Сибиряк нападки в адрес уральского Нестора-летописца? Не потому ли, что опасался подобной оценки собственного творчества как эдакого «бумагомараки из медвежьего угла» со стороны столичных литературных «цезарей»? Как и на поприще краеведения, в большой литературе «много званых, да мало избранных»?

В 1890 г. вдова В. Н. Шишонко Варвара отправляет письмо к Дмитрию Наркисовичу. О чем просит она — можно уточнить только в фонде рукописей Российской Государственной библиотеки в Москве. Мне неизвестно также, ответил ли ей адресат.

Мамин-Сибиряк имел обыкновение переносить сюжеты из очерков в рассказы, выпускать таковые несколько раз в разных редакциях под несовпадающими заглавиями или использовать их фрагменты в крупных литературных жанрах. Какие-то образы его захватывали, надолго или время от времени всплывали в воспоминаниях.

В 1896 г. в 4 номерах газеты «Русские ведомости» появляются «Излюбленные люди»⁸ — произведение, которое второй раз было опубликовано спустя 87 лет в журнале «Урал» с комментариями И. А. Дергачева. Это не повесть, не рассказы, не очерки, скорее, этюды, зарисовки о чудаковатых людях. Имена-фамилии вымышлены, но с прозрачным намеком на известность автору их прототипов. Для произведений III четверти XIX в. об интересных и важных для авторов личностях характерна насыщенность публицистическим материалом, включенная разговорность речи, дополнение мемуарными вставками. Обращение к собирательным образам «выломившихся из своего века» — вска меркантильности, жесткого прагматизма — тоже в духе того времени. Например, очерки Г. Успенского так и называются «Странные люди». В письме к брату 3 марта 1884 г. Мамин рассуждает: «Есть ряд явлений и вопросов, которым должна быть придана беллетристическая форма... Кругом слишком много зла, несправедливости и просто кромешной тьмы, с которой мы и воюем по мере наших сил, а для этого выработалось свое литературное оружие».

Название одной из зарисовок — «Два летописца». Речь, без сомнения, идет о В. К. Шишонко и Н. К. Чулине. Первый именуется Федором Павловичем Антроповым, второму присвоена многозначительная фамилия Минусов. Общее название цикла «Излюбленные люди». Какое-то необычное определение, этимологически означающее «любимые, привычные». Но так обычно говорят о неодушевленных предметах — «излюбленное занятие», «излюбленное место». По отношению к людям оно воспринимается иронично и больше ассоциируется со строкой «излюбили тебя, измызгали», т. е. использовали, истратили, издержали и оставили

за ненадобностью. Далее. Кем излюбленные? Из последующих рассуждений следует: никем.

Всем действующим лицам четырех маминских этюдов свойственны одни и те же черты, действие происходит в обыденной среде, однако затронутой земскими поветриями. Через индивидуализацию каждого образа автор стремится раскрыть типичные, характерные черты интеллигентов эпохи земской реформы, придать единичным явлениям художественное обобщение. Интеллигент значит — понимающий, мыслящий, знающий. Во второй половине XIX в. доля интеллигенции, вышедшей из мелкобуржуазной среды, растет, в том числе и в провинции. Складывается слой разночинной интеллигенции. Именно к этому кругу принадлежат выведенные Маминым типы, на примерах которых он раскрывает свои взгляды на ее роль, место, положение, возможности.

Что же объединяет этих людей, в том числе в названном этюде об историках? Они явно симпатичны автору: хорошо образованы, до самозабвения трудолюбивы-хлопотливы, бескорыстны. Им присущи высокая нравственность, духовное богатство, культура. Они — носители совестливости, чувствуют, что делают дело правильно, готовы поделиться своим достоянием, ничего не требуя взамен. Об этом же говорилось и ранее. Но теперь Мамин смещает акценты по сравнению с предыдущими характеристиками. Такими же типичными чертами считает инфантильность, пассивность, безропотность, неумение и нежелание сопротивляться и прогнать востоять окружающей действительности. Они честны в своей деятельности и верят, что смысл их жизни — в дарении миру истины. Но в ней мало кто нуждается, и на самом деле этот смысл заканчивается на самоудовлетворении. Они сеют благородное, но оно не всходит. Душа человеческая тайно ждет благодарности, а с них — не парадокс ли? — взыскивают не за нерадивость, а за подвижничество, за одержимость. Такие люди — неудачники, существование их малонадежное. Ущербные не живучи. Все выведенные писателем лица застигнуты им либо в финале жизни, либо их уже нет на свете. Исправить ничего невозможно. Авторский вывод однозначен: быть признанным обществом и сделать свое дело важным для него возможно только при активной деятельности и даже в азартной борьбе. Это он понял на собственном опыте. Признание провинциального интеллигента-разночинца бралось им с бою.

Итак, зарисовки не документальны, написаны в художественной манере. Портретные характеристики выразительны, рисованы яркими изобразительными средствами. Пером водила не беспристрастная рука. Он жалеет своих героев, но полностью на их сторону не становится. С затворником Минусовым (у него даже имени нет), который что-то пописывает, что-то печатает по мелочи, автор даже не желает признаться в знакомстве. По воспоминаниям современников известно, что Мамин не только знал Чупина, но и использовал услышанные от него эпизоды для своих рассказов (например, «Верный раб»). Известно, что и в реальной жизни он относился к нему двойственно, уважая «громадную эрудицию», талантливость и добросовестность и содрогаясь от мертвящего образа жизни. Но эта характеристика так и осталась в черновиках «Писем с Урала». Примечательно, что неприязненная, несколько брезгливая интонация в оценке Минусова исходит от авторского лица, выравнивание же читательского впечатления другим мнением вкладывается в уста последователя Наркиса Константиновича — Василия Никифоровича Шишонко. Такая вот трансформация.

Рельефно рисуя внешность, привычки, домашнюю обстановку Антропова-Шишонко, Мамин чем-то уподобляет его гоголевским героям. Там какая-нибудь Мавра, здесь прислуга Катька не испытывают никакого почтения к хозяину. Любимые залежи исторических документов покрыты давним слоем пыли. Это у врача-то!

Через внешние атрибуты проступает внутренний мир персонажей. Сине-зеленые лица, хаос в заваленной комнатухе Минусова и беспорядок в кабинете Антропова. Их жаль жалостью горьковского Луки. Ни первый, ни второй не состоялись по первоначально полученному образованию. Не став профессионалами в науке и практике, они так и остались любителями, что в глазах окружающих — прихоть, шарлатанство. Мамин тоже считает, что любительство для серьезной науки противопоказано. Шишонко не имел права дополнять драгоценные исторические источники всякими догадками и комбинациями. Он — архивариус, но не историограф, не источниковед, собиратель, но не исследователь. Для самих же персонажей досуговые занятия затмили служебные и сделались профессиональными. Казалось бы, захватившая их страсть должна вызвать стихийную энергию, будить здоровые амбиции. Они же, напротив, унижают себя, смиренно принимают нападки окружения и упииваются своим увлечением. Да еще «мечут

бисер» перед неблагодарными. Мамину обидно, что жизнь этих светлых голов и добрых сердец непротивленцев смешна и жалка, нелепа. «Великие люди для малых дел» — такова тональность зарисовок.

И. А. Дергачев в своем послесловии оставляет за писателем только защитительную позицию. Нам представляется, что с этим утверждением можно не согласиться, во всяком случае, оценить его более сдержанно. В противостоянии своих героев и общества автор стоит посередине, отстраненно от изображаемых и не чуждается сожалеющей и осуждающей точки зрения. И. А. Дергачев не находит иронически-снисходительного акцента в суждениях писателя, нам же думается, он открыто присутствует.

Можно ли согласиться с заключением писателя? Вряд ли. Маминская оценка итогов жизни «излюбленных людей» не подтвердилась в дальнейшем. Признание их огромных научных заслуг только упрочилось, посеянное — взошло.

---

¹ Описание начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском, Шадринском и Камышловском Екатеринбургского района Пермской губернии / сост. инспектор нач. народ. училищ В. Шишонко — Екатеринбург, 1878 — 191 с.

² Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений / сост. инспектор нач. народ. училищ Екатеринбург. р-на В. Шишонко — Екатеринбург, 1879. — 396 с.

³ Пермская летопись 1263—1715 в 5-ти периодах, [7-ми т.] / сост. В. Н. Шишонко — Пермь, 1881—1889.

⁴ Кустов, В. А. Василий Никифорович Шишонко: материалы из биографии / В. А. Кустов // Архив выполненных справок — Пермь, 1973. — Спр. № 266 — Библиогр. список. 136 назв.

Апкаримова, Е. Ю. Шишонко Василий Никифорович / Е. Ю. Апкаримова. Историки Урала XVIII—XX вв. — Екатеринбург, 2003. — С. 424–425.

⁶ Мамин-Сибиряк, Д. Н. Старая Пермь // Собр. соч. в 12 т. / под ред. и с коммент. Г. Боготубова. — Свердловск: Облгиз, 1948–1951. Т. 12. — С. 295–296.

⁷ Мамин-Сибиряк, Д. Н. В. Н. Шишонко. [некролог] / Д. Мамин // Деловой корреспондент. — 1889. — № 205. То же: Памяти Василия Никифоровича Шишонко. — Пермь, 1889. — С. 5–8.

⁸ Мамин-Сибиряк, Д. Н. Из поблненные люди / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Русские ведомости. — 1896. — № 157, 171, 185, 213. То же / послесл. И. А. Дергачева. — Урал. — 1883. — № 1. — С. 117–133.